

С. 60
ТРУДЫ МУЗЕЯ ДМИТРОВСКОГО КРАЯ.

Выпуск 6.

К. А. СОЛОВЬЕВ.

ЖИЛИЩЕ КРЕСТЬЯН

ДМИТРОВСКОГО КРАЯ

(Северная часть Моск. округа)

(С рисунками, чертежами и картой).

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ ДМИТРОВСКОГО КРАЯ.

Дмитров, Моск. окр.

1930 г.

С-60
Григорова 1930

ТРУДЫ МУЗЕЯ ДМИТРОВСКОГО КРАЯ.

ВЫПУСК 6.

ИЗ КНИГ
С.П.Григорова

К. А. СОЛОВЬЕВ.

ЖИЛИЩЕ КРЕСТЬЯН ДМИТРОВСКОГО КРАЯ

(Северная часть Моск. округа)

(С рисунками, чертежами и картой).

ПРОВЕРЕНА

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ ДМИТРОВСКОГО КРАЯ.

Дмитров, Моск. окр.

1930 г.

БИБЛИОТЕКА
ИЗ 1694

1721.5 (с-м)

Типография
Дмитровского
Райисполкома
г. Дмитров, Моск. окр.
Мособлит № 6410.
Тираж 1000.
Заказ № 676.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Культурная революция ставит большие задачи в области быта, выполнить которые возможно, лишь хорошо осознав то, что есть, с чем нужно бороться, от чего следует исходить в этой сложной работе. В. И. Ленин сказал: „Если мы не изучим прошлое и коммунистически не осмыслим его, то мы не сможем построить и фундамента будущего коммунизма“. Это положение нам особенно надо помнить теперь, когда в порядке дня стоят сложные проблемы нового быта.

Жилище крестьян является одним из значительных факторов культуры края. Заботам о жилище крестьянин отдает большую долю сил, средств и времени.

В Дмитровском крае на ряду с большими сдвигами в крестьянском строительстве мы должны констатировать и большую отсталость. Странно сказать, но до сих пор на расстоянии 65 километров от Москвы мы имеем курные избы, отсталые хозяйственные строения, осколки материальной и духовной культуры далекого прошлого.

Данная работа ставит перед собою этнографические задачи. На территории Дмитровского края мы имеем стык южного и северного типа жилищ и те гибридные формы, которые особенно интересны для переходных зон.

Этнографические задачи в нашей работе сочетаются с вопросами социально культурного и санитарного порядка.

Вместе с тем „Жилище крестьян Дмитровского края“ стремится подвести итоги крестьянскому строительству за последнее столетие и отмечает те вехи, по которым пошло крестьянское строительство до эпохи сельско-хозяйственной реконструкции нашей деревни.

Социально-культурные сдвиги, наметившиеся в настоящее время, естественно ставят перед музеем вопрос об изучении жилища в колхозах. Колхозное крестьянское строительство только начинает прокладывать свои пути, в большей же степени колхозное строительство деревни является сложной проблемой наших дней. Общество изучения Дмитровского края совместно с музеем, учитывая всю сложность данного вопроса, выделило комиссию в составе инженера, санитарного врача, агронома и краеведа-этнографа для составления работы по коллективному крестьянскому строительству, которая должна будет явиться естественным продолжением настоящей работы, а вместе с тем наметить перспективы жилища нашей деревни, как индивидуального, так и коллективного.

Для всестороннего изучения жилища музей летом 1929 года провел сплошное обследование 40 селений по программе Ц. Б. К. и 8 селений по полной программе Общества изучения Дмитровского края. Всего было обследовано 1703 крестьянских жилища. Дополнительно к этому проделана следующая работа: 1) по современному Сергиевскому району было обследовано музеем Дмитровского края 233 крестьянских жилища (данное обследование было проведено на средства Об-ва изучения Моск. области); 2) разработано 3634 карты страхового агентства за 1900 год; 3) изучено и разработано 6703 плана крестьянских жилищ по планам селений 1876 года; 4) использован, с разрешения уездного инженера М. Н. Котова, строительный архив, из которого были взяты сведения по 2666 новым и перестроенным крестьянским жилищам за 1923—27 годы; 5) описаны до 1928 года около 200 старинных крестьянскихстроек; 6) использовано 129 карт по Клинскому району из обследования Общества изучения Московской области; 7) использованы все имевшиеся в нашем распоряжении работы статистического и описательного характера по жилищу Дмитровского уезда; 8) использованы небольшие материалы по Дмитровскому району Русского Музея в Ленинграде и архива Русского Географического Общества; 9) использована имевшаяся в нашем распоряжении этнографическая литература, часть которой указана в сносках.

Работа проводилась с 1925 года по выборочному методу изучения отдельных элементов и отдельных памятников. В 1929 году мы пользовались методом сплошного обследования.

Музей обязан изданием этой работы Музейному п/о Моно.

Помощь в работе оказали нам Н. А. Елизарова, М. Н. Котов и М. И. Шидловская.

В заключение отметим, что обследовательская работа по соби- ранию материала по формам Ц. Б. К. и по полной программе была выполнена автором совместно с дмитровскими краеведами—студентами и учениками окончившими девятилетку: К. Г. Гавриловой, С. Добро- вым, Л. А. Елизаровой, А. Б. Зерновой, а также А. П. Журовым, причем последним были сделаны все зарисовки.

Фотографии, за исключением помеченных в тексте и в сносках, принадлежат Музею Дмитровского Края.

Автор приносит искреннюю благодарность профессорам В. В. Богданову, Д. К. Зеленину и Б. А. Куфтину за просмотр настоящей работы и за их указания.

К. Соловьев.

В В Е Д Е Н И Е.

Общая характеристика Дмитровского края.

Под Дмитровским краем мы понимаем территорию, которая естественно под влиянием экономических причин сложилась на протяжении нескольких столетий и постоянно тяготела к своему центру—к Дмитрову.

Дмитровский край занимает территорию Дмитровского района, в который входят все 7 волостей прежнего Дмитровского уезда. Кроме того, на севере к Дмитровскому краю относятся б. Гарская и часть Раменской в. Ленинского уезда, на северо-западе — небольшой угол б. Тверской г., на западе Залутосенская часть Клинского и Солнечногорского районов, на востоке часть Сергиевского района. В таких границах Дмитровский край представляет собою естественный комбинат, как со стороны природы, так и экономики. Вся эта территория составляет единое целое, начиная с удельных времен и до наших дней. Это и есть неизменное ядро той округи, о которой еще Дмитрий Донской сказал в 1389 г. в завещании своему сыну Петру (1405—1428 г.). „А се даю своему сыну Петру Дмитров со всеми волостми и с селы. . . .“ В 1462 году Василий Темный пишет: „Да сыну же своему Юрью даю Дмитров со всеми волостми и с путми и с селы и со всеми пошлинами из за Московскими волостми, и со всем тем, как было за князем за Петром; да ему же даю Юлку и с Юлотцькими бортники, и что к Юлке потягло, да Серебожь, да Бускутово, да Рождественное и со всем с тем, что к тем волостям потягло“¹⁾.

В наше время территория Дмитровского края также имеет тяготение к г. Дмитрову.

Территория Дмитровского края в естественно-географическом отношении может быть разбита на два района с присущим каждому особым типом ландшафта: на севере—ландшафт приволжской низины, часть которой составляет долина реки Яхромы, на юге и западе—ландшафт Клинско-Дмитровской гряды. Эти два ландшафта отличаются друг от друга по рельефу, почве, растительности и метеорологическим особенностям.²⁾

Со стороны палеоэтнографической Дмитровский край представляет территорию, повидимому, исключительно кривичской культуры. Все известные нам могильники³⁾, как на севере (Ковригино), так и на юге ряд могильников возле Паромонова и юго-западе (Юрьево) имеют кривический тип погребения. Из других более ранних культур можно указать на ряд городищ и прежде всего на Синьковское городище Дьякова типа.⁴⁾

1) И. А. Смирнов. „К истории территории Дмитровского уезда“. Сборник „Дмитровский уезд Московской губ.“ Дмитр. 1924 г. Стр. 390—396.

2) А. Д. Шаховская „Природа Дмитровского Края“. Вып. 1-й Музея Дмитровск. Края. Москва 1923 г. Стр. 96.

3) М. С. Померанцев „Дмитровский край в его прошлом“. Дмитров 1924 года (Оттиск из сб. „Дмитровский уезд“) Издан в трудах музея под № 5.

4) Ряд могильников возле Паромонова был открыт крестьянином—краеведом Ив. Вас Васильевым и обследован Н. А. Елизаровой в 1929 г.

Со стороны этнографической Дмитровский край заселен в настоящее время великоруссами. По Шахматову, колонизация востока славянами начинается около VIII—IX столетия. В Ростово-Суздальской области продвижение славянского элемента продолжается еще в X и XI веке, как это показывают многочисленные курганы, обычно датируемые этим же временем. Можно предполагать, что это относится и к Дмитровскому краю, хотя более ранних курганов X века и не найдено.

По мнению В. О. Ключевского и многих других историков, славянское население, встречаясь с финским, естественно должно было смешиваться с ним. Смешение это или происходило в форме более или менее полной ассимиляции туземцев славянами, или путем взаимного приспособления. Д. К. Зеленин считает воззрение историков на образование великорусской народности из смешения славян и финнов весьма не точным и даже неверным ¹⁾.

Памятники аборигенов Дмитровского края до сих пор прекрасно сохранились в виде городищ.

Настоящих финских могильников не найдено, но все же можно полагать, что славянским поселениям предшествовали какие-то финские и племена, связанные с культурой Немана.

Кроме материальных памятников сохранились некоторые воспоминания об аборигенах еще и в географической номенклатуре—Икша, Яхрома и др. „Яхрома“ ²⁾—по фински „Иокракма“ означает „печальная река“.

„В Ростово-Суздальской области“, говорит В. В. Богданов, „сидело несомненно одно из финских племен, может быть, Меря, а эта область примыкает к Дмитровскому уезду, так что с известной степенью вероятности можно считать Мерю или другое финское племя за аборигенов края. Встречаясь с неславянами, вероятно, финнами, славяне многое воспринимали от них и в свою очередь оказывали влияние на финнов. В дальнейшем происходит и полное смешение этих племен. Помимо финских племен на севере от Москвы несомненно передвигались и литовцы. В Дмитровском уезде имеются указания на пребывание здесь литовцев: это отчасти можно проследить по лексическим остаткам. В Дмитровском крае есть даже одно селение, которое называется Голядь, что вполне созвучно названию Литовского племени голядь ³⁾. В Кимрах существует название сапожников „голята“. Возможно, что при своем передвижении часть голяди и задержалась в районе части Синьковской волости, а именно в районе Голяди, южнее Абрамцева, Бунятина и на реке Бунятке. Археологические памятники указывают, что через эти места проходили и радимичи. Наконец в языке есть некоторые следы Ляшских влияний. Кроме того, совсем слабо выявляется возможность пребывания здесь кельтов и готов, о чем предполагают некоторые лингвистические теории“.

¹⁾ Д. К. Зеленин „Принимали-ли финны участие в образовании великорусской народности“. Сборник Лоикфун I Стр. 96—108.

²⁾ „Русская историческая география“. С. К. Кузнецова. М. 1910 г.

³⁾ Такое-же толкование этого географического названия мы имеем в книге „Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя Спаса-Исцелителя расслабленного в селе Ведерницах Дмитровского уезда Моск. губ. И. Токмаков. М. 1895 г. см. стр. 7- 8. Примеч автора.

Так в общих чертах характеризует проф. В. В. Богданов этническую основу населения Дмитровского края¹⁾.

Во всяком случае к XI в. в Дмитровском крае мы имеем, по видимому, исключительно русское население.

Этнографическое районирование Дмитровского края.

Однако в настоящее время Дмитровский край не может считаться в этнографическом отношении вполне единообразным, хотя диалектологически его следует относить в общем к области северо-великорусских говоров с наметившейся переходностью²⁾. Наибольшее количество чистых элементов северо-великорусского говора мы до сих пор встречаем в Куликовщине, Ольявидовщине и в Тройщине. В этих местах старшее поколение до сих пор окает и цокает. На юге уезда имеются говоры, подвергшиеся сильному влиянию Московского говора: здесь все молодое население акает и усвоило переходное смягчение задне-небных.³⁾

Реки, служившие в прошлом почти единственными (за небольшим исключением) удобными путями сообщения, позволяют более детально провести этнографическое районирование края. До XVII в. Яхрома входила в судоходную систему Яхрома—Сестра—Дубна—Волга. По притокам Волги—Шексне и Мологе—можно было попадать в Балтийское море и на Белоозеро. Историческое прошлое северной части Рогачевской вол. (так называемой Куликовщины), принадлежавшей Кирилло-Белозерскому монастырю, равно как характерные диалектологические особенности данного населения с резко выраженным в прошлом цоканьем—все это дает нам возможность при изучении этнографических элементов объединить эти места, под именем Куликовщины, в одно этнографическое целое. На северо-востоке мы имеем не менее характерную округу с сильным в прежнее время и донныне сохранившимся у стариков цоканьем. Эти места также были связаны прекрасными речными путями сообщения, оканчивавшимися рекой Велей. Район этот (север Тимоновской вол.) в XVIII в. принадлежал Троице-Сергиевскому монастырю и обычно называется „Ольявидовщина“. Вся Рогачевская волость, за исключением Куликовщины, начиная с XIV века, постепенно стягивается вокруг Песношского монастыря, тесно замыкаясь в своих пределах, до самой революции не допуская в свою среду чужих влияний. Этот район известен у крестьян под именем „Никольщины“. По соседству с Никольщиной всю почти прежнюю Синьковскую волость занимают земли, принадлежавшие Троице-Сергиевскому монастырю и известные под именем „Тройщины“. Куликовщина, Никольщина, Ольявидовщина и Трой-

1) Из лекций проф. В. В. Богданова, читанных в мае 1920 г. на курсах по этнографии в гор. Дмитрове. См. Научный архив Музея Дмитровского края.

2) Этому вопросу посвящена книга Романа Якобсона „Фонетика одного северо-великорусского говора с наметившейся переходностью“. Прага 1927 г. 81 стр.

3) По диалектологии имеются нижеследующие материалы: 1) неопубликованные записи Д. Н. Ушакова из Озерецкой и Митинской в. в. Дмитров. уезда, 2) обстоятельное описание говоров Ильинской и Озерецкой в. в. Дмитр. у., составленное Орловым (ненапечатанный ответ на подробную программу Отд. Русск. яз. и словесн. Росс. Академ. Наук. 3) По Богословской вол. 6. Дмитр. у. имеется материал В. Чернышева „Краткие сведения о некоторых говорах Дмитровского, Богородского и Егорьевского уездов“. 4) По Рогачевской волости Дмитр. у. имеется вышеприведенная книга Р. Якобсона, изданная в Праге в 1927 г., 5) Кроме того летом 1929 г. были организованы Муз. Дмитр. Края исследовательские работы по Дмитровскому району под руководством Н. И. Кравцова (материал в научн. арх. Муз Дм. Края.)

щина—основные массивы бывших монастырских владений, имеющие свои бытовые особенности, отчасти отличающиеся одни от других. Весь юг Дмитровского края в пределах его прежних Обольяновской, Деденевской и Яхромской волостей, за небольшими вкраплениями, а также север Дмитровской волости находились в XVIII—XIX в. в. в руках частновладельцев, и это не могло не отложить своих особенностей на весь быт этих мест. ¹⁾

При изучении частновладельческих мест следует учитывать форму обложения, какая была в крепостное время (селения барщинные или оброчные), не упуская из вида и возможные переселения крестьян помещиками из одних мест в другие.

Совершенно обособленно находятся некоторые районы, входящие в сферу сухопутных путей сообщения. В Дмитровском крае мы имеем такие районы: по большаку из Рогачева в Дмитров, который связывал Ростово-Суздальскую землю с Тверью; по большаку из Дмитрова в Сергиев—особый Костино—Прокошевский район—и по большаку из Дмитрова в Москву.

В общем Дмитровский край можно в этнографическом отношении подразделить на следующие районы: 1) Куликовщина, 2) Никольщина, 3) Тройщина, 4) Голядский район, 5) Ольявидовщина, 6) район Рогачевского большака, 7) Костино-Прокошевский район, 8) район большака Московского из Дмитрова в Москву, 9) район Рогачевской дороги из Рогачева в Москву, 10) Обольяново—Ольговский район, 11) Влахернско-Куровско-Гришинский район, 12) Надеждино-Дядьковский район, 13) Пересветовский район, 14) район с. Кузьева, по дороге, которая вела от Крестовской заставы на Ольшанку.

Сами крестьяне определяют эти обособленные районы своим отношением к крестьянам других районов, обычно противопоставляя этих крестьян себе. Так, Бунятинские крестьяне из Тройщины рассказывают, что во время покоса их разделяют от куликан непроходимые болота: „река разделила, ходу нет оттуда“. Бунятинцы кричат: Эй, вы, горшечники—цово, тово“. А Куликовцы: „Эй вы, лапотники“. Костюнинцы из Никольщины²⁾ иронически рассказывают о барских, что у них бородатого мужика и то зовут полуименем: Ванька, Васька. А попробуй костюнинского парня обзвать так—он сейчас же обиженно отчеканит: „не Васька, а Васюха: Васька в люльке качается“. Кроме того, костюнинцы укоризненно замечают, что барские страшные матершинники. Вместе с тем крестьяне очень правильно подмечают и особенности в говоре своих близких соседей, которых они и выделяют по говору и по образу жизни. Те же костюнинские крестьяне из Никольщины противопоставляют себя клинским крестьянам, которые, как старики говорят, „свысока выляпывали“, т.-е. уже в старину восприняли московский говор. В Бунятине крестьянин П. И. Королев передавал нам свои наблюдения так: „в Никольщине говорят почище, поречистее, в Курькове молодая говорит выляпывает, в Тройщине—цокали, а сейчас по письменному говорят, в Ку-

¹⁾ Описание Дмитровского уезда по волостям см. в книге: К. А. Соловьев „Методы паспортизации в политпросветработе“, Москва 1929 г. Изд. Кабинета Краеведения стр. 82.

²⁾ Р. Якобсон „Фонетика одного великорусского говора с намечающейся переходностью“ Прага—1927 г.

ликовщине и теперь цокают, а в Подмошине¹⁾ не говорят, а вытягивают“ (главным образом, последние слоги и преимущественно глаголы). В Прудцах, частновладельческой деревне князя Голицына, крестьянин старик Попов на мой вопрос о долгорукавке и о сарафане с рукавами ответил: „нет, батюшка, у нас не носили таких, а вот, бывало, говорили: поедем невесту сватать с долгими рукавами—это, значит, в Ольявидово. Там работали сами, а здесь, никогда не бывало сарафана с рукавами“. Старуха Юрасова той же деревни на аналогичный вопрос ответила: „нет, не носили, и у старых не было. Нет, у нас в Московской губернии все таки хорошо носили. Здесь народ разработанный, в Московской губернии. Ты приди куда хошь, господин, все ручку да ручку, а туда (в Ольявидовщину) куда хошь приди: народ лесной, речной—так и ходили чувашами. Мы, сынок родной, теперь хоть в деревне, мы не называем полуименем, а Степановна, Сергевна, а там—Степанька, Гаранька. У нас народ хороший, разработанный“.

Саввинские об Ольявидовских говорили: „у вас так и звонят в Ольявидове:—сарафаны с рукавами, понитки с костылями“.

Такое ясное отграничение одних районов от других показывает, что крестьяне хорошо отличают свои этнографические особенности от таковых же своих соседей.

В общем можно всю территорию Дмитровского края в схематических чертах разделить на северную, по большей части монастырскую, и южную — барскую.

В соответствии с прошлым, мы можем видеть не только бытовые особенности, сохранившиеся до наших дней, но и экономические особенности края.²⁾

Вся северная часть в сельско-хозяйственном отношении экстенсивная, но зато имеет большое количество кустарных промыслов, и это издавна, с начала XVIII в., тогда как в южной части края кустарных промыслов почти нет.

Сами крестьяне—старики, свидетели крепостного права, рассказывают об этом различии в положении экономических, бывших монастырских, и барских крестьян: „нам, монастырским, жилось лучше, монастырь не гонял ни на какую полевую работу. Барские нам завидовали. Подати оброк заплати, вроде налога, и больше ничего не знаешь“ (с. Слободищево. Кр. Гадалкин. 1928 г.).

Старик 80 л. Климов из барской деревни Сихнево говорит: „трудно жилось нам барским — у барина тягло. У монастыря—по душам: душа—мужик. Жилось трудно. Где же тут две избы, у всех было по одной. У монастырских и государственных праздник—сядут у окна на улице, оденутся получше, кто поет, а кто и пляшет. Монастырские ходили в год два раза покосить миром, а мы барские в праздник бросались на свою работу. У монастырских было больше по две избы, а у барских—по одной. Делить же не делились у барина, барин такой раздел даст—небу жарко будет.“

1) Подмошье в 1554 г.—вотчина Вознесенского монастыря. См. „Села и деревни Дмитровского края в XV, XVI в.“ М. Н. Тихомирова. „Московский краевед“. 1928 г.

2) По экономике края см. в сб. статьи „Дмитровский уезд Моск. губ.“ Дмитров 1924.

Новые сведения по ф-кам можно получить по книге „По Моск. краю“. Гос. изд. 1929 г. ст. К. А. Соловьева „по Клинско-Дмитровск. гряде“ стр. 3—42.

З а к л ю ч е н и е.

История крестьянского зодчества Дмитровского Края дает нам основание утверждать, что в основе крестьянского жилища на данной территории лежит изба без подклета на земляном полу (Niederhaus); наличие поземки у северно-великоруссов, в частности присутствие в Новгородском округе избы на земляном полу¹⁾, как реликтового типа жилища, подкрепляя наши выводы аналогичным материалом, позволяет говорить о нашей избе на земляном полу, как о форме близкой к обще-восточно-славянскому жилищу²⁾.

Высокий подклет, клеть на столбах, трехкамерность перпендикулярная улице, план избы—все эти элементы северно-великорусского строительства, наплывшие на основную форму жилища, появились у нас, повидимому, через архитектуру высших социальных групп и через церковную архитектуру³⁾.

Костровая крыша, принадлежащая к комплексу южно-великорусского жилища, имеет распространение главным образом на юге нашей территории. Эта реликтовая форма крыши, признаваемая также некоторыми исследователями за обще-восточно-славянскую форму⁴⁾, имеет очень большое распространение на северо-восток от Дмитровского Края. Самым классическим местом по чистоте, сохранности и распространности костровой крыши как над жилой, так и над холостой стройкой, по материалам нашего обследования, является место Заболотья, округи с. Федорцова б. Владимирской губ. (где имеет распространение и горизонтальный плетень). В общем мы можем сказать, что костровая крыша количественно постепенно угасает, начиная от с. Федоровского к Озерецкому (Сергиевского района), и затем несколько более прочно располагается на хозяйственных постройках в б.б. Дедневской, Обольяновской и Синьковской волостях (Дмитровского района).

Если изба на земляном полу и костровая крыша являются реликтами обще-восточно-славянского жилища, то шиш, бытующий на нашей территории в трех видах, есть осколок материальной культуры, восходящей к дославянской, может быть, финской, культуре. Проф. Б. А. Куфтин рассматривает шиш, как переживание особой формы жилища, состоявшего из землянки с надземным коническим покрытием.

1) Неизданные материалы полевой работы Н. И. Лебедевой по Новгородскому округу.

2) К этому же заключению приходит С. П. Толстов из рассмотрения связи между „полом“, как местом для сна у южно-великоруссов, и голбцом, коником и полатями у северно-великоруссов. „Культура и быт населения ЦПО“. М., 1929 г. стр. 77. „К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в Средней России“.

3) К этим же выводам пришел и Н. Н. Чебоксаров в своей работе „Постройки Волоколамского уезда“ „Моск. Краевед“ 1929 г. вып. III.

4) Д. К. Зеленин „Russische Volkskunde“ 1927 г., стр. 265.

Мы полагаем, что наиболее примитивная конструкция должна была лежать в основе четырехскатной крыши, а таковой является костровая крыша.

Изба, крыша и хлебосушилка на нашей территории впоследствии перешли от южно-великорусских форм к северно-великорусским формам. Изба стала строиться на высоком или на низком подклете, причем подклет часто использовался под жилие (чаще под зимняк, а иногда под кухню). Костровая четырехскатная крыша на избах стала заменяться двускатной крышей, по большей части на самцах. Вместо шпаша стали строить овины.

Напротив, двор и по сей день сохраняет гибридные формы южно-великорусского строительства.

В середине XIX столетия самой распространенной формой двора являлся мокрый двор с продольной проглеей по сарайному (см. рис. 86, 87 и 88) и мокрый двор с „круглой“ проглеей (см. рис. 67—70; 73—77). Та и другая форма есть гибриды П-образного двора приволжского типа¹⁾. Под влиянием физико-географических условий жилище наших мест принимает сомкнутый характер, открытое место П-образной застройки значительно уменьшается, и двор получает конфигурацию четырехугольника-каррэ или форму двурядного жилища с продольной проглеей перпендикулярной улице. Такие же изменения П-образной застройки мы можем наблюдать у южно-великоруссов под влиянием социальных причин. В б. Нижегородской губ. у будаков²⁾ в бедняцких жилищах можно наблюдать с одной стороны двор вида каррэ, а с другой стороны иногда двурядные застройки с двором, имеющим костровую крышу. Тоже можно наблюдать и в Калужской губ.³⁾, где „жерело“ (по нашему „проглея“, „плоскуша“, „ендова“) доходит иногда до одного метра ширины. В настоящее время там начался тот процесс замены открытых дворов „скрытыми дворами, без жерел“, который на нашей территории уже почти закончился.

Мокрые дворы с „круглой плоскушей“, т.е. застройка формы „каррэ“ распространены в большей части Московского округа; в Серпуховском округе эта застройка имеет форму нашего двужильного жилища вида каррэ (см. стр. 97—98); в Можайском районе, а затем и севернее от Рузы до Воскресенска, на территории южной части Волоколамского и южной части Клинского районов—распространено двурядное одножильное жилище вида каррэ, причем от южной части Волоколамского района заметно примешивается двурядное двужильное жилище формы каррэ⁴⁾.

Следовательно, застройка „каррэ“ распространяется примерно до северной половины Волоколамского и Клинского районов⁵⁾; по той же параллели, мы имеем границу и в Дмитровском районе, а именно по линии селений Ведерницы, Внуково, Кузнецово Ближнее, каковая линия далее на восток идет на гор. Сергиев.

¹⁾ По классификации С. П. Толстова: „К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в Средней России“. „Культура и быт населения ЦПО“ М. 1928 г.

²⁾ Н. А. Елизарова „Будаки б. Лукояновского уезда Нижегородской губ“. Готовится к печати.

³⁾ Е. Бломквист. „Крестьянское жилище Калужской губ.“. „Материалы по этнографии“ т. III, вып. 2. отд. оттиск 1927 г.

⁴⁾ По свидетельству Н. Н. Чебоксарова и Е. С. Радченко, производивших исследовательскую работу по жилищу в южной и в юго-западной части б. Московской губ.

⁵⁾ Более точную границу мы будем скоро иметь в выходящих трудах по жилищу Московского и Серпуховского округов Е. С. Радченко, Н. Н. Чебоксарова и М. Я. Феиоменова.

Севернее этой границы распространяется застройка с продольной проглеей с покрытием по сарайному (см. рис. 43, 45, 48, 49), которая генетически связана с „круглой проглеей“, но имеет свой круг распространения. Застройка с продольной проглеей продолжается севернее. Из материалов Верхне-Волжской этнологической экспедиции по изучению крестьянских построек Ярославско-Тверского Края¹⁾ мы заключаем, что и там в районах б. Ржевского уезда, б. Мологского и в Краснохолмском районе наиболее старым типом является двурядное жилище с продольной проглеей.

Таким образом, если снять настилающий позднейший слой, то с запада на восток, повидимому, в середине Волоколамского, Клинского, Дмитровского и Сергиевского районов проходит граница, севернее которой распространен был мокрый двор с продольной проглеей, крытый „по сарайному“, а южнее—мокрый двор с „круглой“ проглеей.

Поиски сухого двора приводят к целому ряду трансформаций, которые, будучи расположенными в определенной хронологической последовательности, дают все разновидности, характеризующие динамику отдельных типов. Трансформация различных типов жилищ идет своими путями; так, перпендикулярная застройка, или застройка глаголем, а также с отполками вбок и назад получалась из вида каррэ; двор под боковым отполком образовался из двурядного одножильного жилища с продольной проглеей и пр., но иногда, как это было с параллельной застройкой (под двумя колпаками), трансформированная форма могла получаться и от формы каррэ, и от застройки с „продольной“ проглеей так называемого „Московского типа“. Вместе с тем следует отметить, что застройка двурядного одножильного жилища с продольной проглеей, как конструктивно более простая форма, проникает значительно южнее, встречаясь в подмосковных районах и даже изредка в Серпуховском округе.

Мокрый двор—всегда двурядный. Двурядная застройка, широко распространенная в Дмитровском районе в середине XIX столетия (85,25%), в настоящее время почти совсем сходит на нет. По обследованию 1929 года мы имеем 72,66% однорядной застройки, которая, все шире и шире распространяясь, заменяет прежнюю двурядную связь. Этот же процесс можно наблюдать и на более широкой территории²⁾.

Деление Дмитровского района на северную часть с продольной проглеей и с высоким подклетом и на южную—с круглой проглеей и с низким подклетом—совпадает с распространением на севере монастырских земель, а на юге—помещичьих. Однако это случайное совпадение не позволяет делать каких бы то ни было выводов. Жилище в связи с этнорайонированием не дает возможности на нашей малой территории выделять какие либо этнографические особенности; бытовые же особенности и культура жилища, как это мы видели, заметно отличаются во владельческих селениях от селений монастырских. Этнорайонирование в нашем крае обособляет один район от другого по комплексу бытовых особенностей, по фольклору, по различным особенностям аграрного и животноводческого культов и по диалектологии, но в других элементах, каким является прежде всего жилище, этнорайонирование не выделяет каких либо обособленных районов. Впро-

¹⁾ Государственная Академия Истории Материальной Культуры. „Верхне-Волжская Этнологическая Экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского Края“. Ленинград 1926 г., стр. 28, 74, 157 и др.

²⁾ См. С. П. Толстов „Русские крестьянские постройки“. Журнал „Этнография“. Книга IV, 1927 г., № 2, стр. 364—365.

чем, нельзя все же пройти мимо таких островов, как Тройщина (бывш. Синьковская вол.), где господствует в едином массиве и по ныне шиш. В этом же районе мы имеем значительное распространение костровой крыши. В Обольяновской волости характерной чертой в постройке является застройка глаголем и изба с параллельным расположением сельника. В Ольявидовщине и в Жестылевском районе и донныне сохраняются двурядные двухжилые постройки с двором, крытым по сарайному¹⁾.

В новых постройках современной деревни большую роль играют три фактора: разделы, классовое расслоение и нарождающаяся культура деревни.

Разделы увеличили количество построек деревни, но, в связи с маломощностью выделяющихся хозяйств, строения по архитектуре и по величине значительно снижаются. Не имея достаточных средств, молодые хозяева стремятся лишь к тому, чтобы „войти поскорей под свою крышу“ и, конечно, совершенно не могут позволить себе роскоши—заботиться о внешности, о красоте своего жилища. Средняя площадь жилого помещения по району значительно превосходит площадь жилищ, выстроившихся на новых местах, т. е. жилищ разделившихся семейств: в 1923 году средняя площадь жилища по Дмитровскому уезду была равна 98 кв. арш., а средняя площадь изб, выстроенных на новых местах, опускается до 77 кв арш.

Классовое расслоение деревни, ярко отражавшееся в постройках деревни до революции и в первое время революции (см. избы в с. Волдонском (стр. 143—146), в настоящее время начинает в постройках нивелироваться. Избы бедняков, как это видно по вышеприведенным материалам значительно увеличиваются по площади, в то время как избы зажиточных крестьян значительно уменьшаются. Таким образом, строительство деревни ориентируется на середняцкую избу.

Вместе с этим следует отметить, что нарождающаяся культура деревни дает новым постройкам более культурные формы: повсеместно растет высота избы, кубатура и квадратура на одного человека; улучшаются гигиенические условия жилища крестьянина, появляются форточки, уборные, отделяются от жилья дворы. Изба принимает по плану городской характер с делением перегородками всей жилой площади на прихожую, кухню, спальню, столовую и залу. По мебелировка изба уже имеет городской вид. В селениях появляется электрическое освещение, которое придает особую культурную форму селению и крестьянскому жилищу. На улицах селений Костина и Б. Прокошева горят электрические фонари; каждая изба имеет по три электрических лампочки—в переднем углу, у печки и на мосту, последняя лампочка освещает двор, мост и лестницу.

Новым явлением в строительстве деревни является также и огнестойкое строительство, но малое распространение и небольшой срок существования не дает еще возможности делать каких либо определенных выводов.

В наши дни нарождается коллективная форма крестьянского жилища, которая и должна будет внести большие изменения в быт и культуру деревни.

¹⁾ Хотя на малых территориях картографирование не является столь необходимым и важным моментом в этнографических работах, ибо здесь достаточно дать географическое распространение того или иного явления, однако все же жаль, что по техническим условиям нам приходится отказываться от картографирования, так как оно дало бы более наглядное представление о размещении отдельных объектов и явлений на нашей территории.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловие	3— 4.
Введение	5— 16.
Общая характеристика Дмитровского Края. Этнографическое районирование Дмитровского Края. Расположение и планы селений.	
Глава I. Исторические данные о жилище края	17— 37.
Церковное зодчество и зодчество высших социальных групп. Четыре этапа в истории избы крестьян в XVIII—XIX в. Белые избы XIX столетия на высоком и низком подклете.	
Глава II. Техника стройки	38— 71.
Плотники. Инструмент. Способы рубки. Датировка изб. Отдельные части стройки. Крыша. Материал покрытия. Способы покрытия. Крыльцо и ворота. Потолок. Пол. Печь. Окно. Фронтон.	
Глава III. Типы застройки, динамика и классификация элементов крестьянских жилищ	72—113.
I. Однорядный тип жилища. Однорядный одножильный подтип. Однорядный двухжильный подтип.	
II. Двурядный тип жилища.	
А) Первая форма двурядного жилища. Двурядный одножильный подтип: а) изба с боковым мокрым двором, имеющим четырехскатное кастрово-стропильное покрытие, б) изба с боковым мокрым двором стропильного покрытия, в) изба с отполком, г) изба Г—образной застройки, д) изба с параллельным расположением клетки. Двурядный двухжильный подтип: а) изба князьковского покрытия с ендовой, б) изба и двор крытые „колпаком“, в) избы крыты „колпаком“ двор узкий стропильного покрытия, г) избы с четырехскатной крышей с „мизивином“, широкий двор стропильного покрытия.	
Б) Вторая форма двурядного жилища—каррэ. Одножильное жилище вида каррэ: а) изба и двор с „круглой проглеей“, б) изба с перпендикулярно примыкающим двором. Двужильное жилище вида каррэ: а) избы покрыты четырехскатной крышей с примыкающим сзади двором с проглеей, б) избы покрыты четырехскатной крышей с примыкающим сзади двором каррэ без проглеи.	
Примеры из истории отдельных изб.	
Типы застройки и их количественное распространение в середине XIX столетия.	
Современные типы застройки и их количественное распространение.	
Классификация отдельных элементов жилища.	

Глава IV. Изменение жилища и его приспособление в связи с развитием потребностей	114—146.
Рост числа хозяйств. Места новыхстроек. Размер изб.	
Высота изб внутри. Динамика площади избы. Количество кв. м. пола на 1 чел. Количество куб. м. на 1 человека.	
Световая поверхность окна погодно. Световой коэффициент.	
Форточки. Камерность. План. Обстановка избы и предметы обихода в избе. Характеристика жилищ социальных групп деревни.	
Глава V. Хозяйственные постройки, связанные с жилой избой	147—154.
Двор. Мост и вход в избу. Клеть. Омшаник. Уборная. Сараюшки.	
Глава VI. Хозяйственные постройки, не связанные с жилой избой	155—173.
Погреб. Амбар. Сарай. Шалашка. 1-ый тип шиша. 2-ой тип шиша. 3-ий тип шиша. Шалаш над шишом. Овин. Рига.	
Глава VII. Обряды и поверья, связанные с жилищем	174—183.
Заключение	184—187.

Труды Музея Дмитровского Края:

- Вып. 1. А. Д. Шаховская. — „Природа Дмитровского Края“. Краткий краеведный очерк с 8 рис. и картой. Изд. Дм. Отд. Союза Рабпроса. М. 1923 г. стр. 94. Цена 1 руб.
- Вып. 2. М. Н. Тихомиров. — „Город Дмитров“. (От основания города до половины XIX в.) С планами, картами и диаграммами. Изд. Дм. Отд. Союза Рабпроса. Дмитров 1925 г. Стр. 84. Цена 50 коп.
- Вып. 3. Сборник. — „Декабристы Дмитровско уезда“. Из. Музея Дмитр. Края. Дм. 1925 г. 82 стр. Цена 40 к.
- М. С. Померанцев. — Декабристы Дмитровского уезда.
- Т. Н. Поливанова. — В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам.
- И. А. Смирнов. — Декабрист Василий Норов.
- Вып. 4. Н. А. Соловьев. — „Промыслы Дмитровского Края“. Краткий краеведный очерк. Изд. Музея Дм. Края. (Оттиск из сборника „Дмитр. уезд Моск. губ.“. Дмитров. (Изд. разошлось).
- Вып. 5. М. С. Померанцев. — „Дмитровский Край в его прошлом“. (Историко-экономический очерк). Изд. Музея Дм. Края. (Оттиск из сборника „Дмитр. уезд Моск. губ.“). Дмитров. (Изд. разошлось).
- Вып. 6. Н. А. Соловьев. — „Жилище крестьян Дмитровского Края“. (Северная часть Моск. окр.) (с рисунками, чертежами и картой). Изд. Музея Дмитр. Края. Дмитров. Цена 2 руб.
- Вып. 7. А. Б. Зернова. — „Сельско-хозяйственная магия в Дмитровском крае“. (Печатается в журнале „Атеист“ и выходит оттисками под № 7 в изд. Музея Дмитр. Края.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Дмитров, Московского Округа и Области, Костинская ул., бывш. Борисо-Глебский монастырь,
Музей Дмитровского Края.

Краеведные статьи и работы:

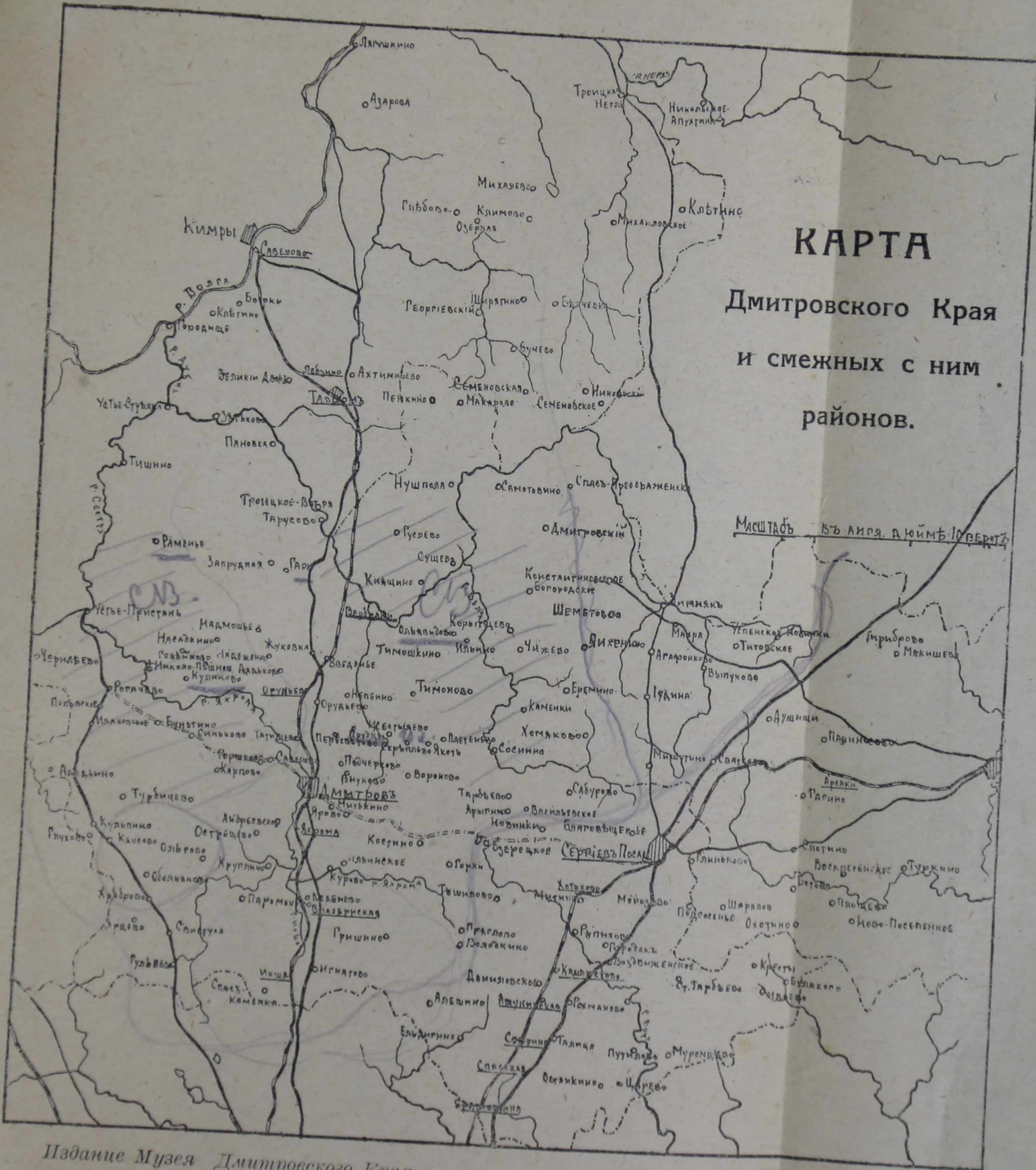
- Н. С. Елагин и
Н. А. Соловьев. — Методические краеведческие экспедиции по Моск. губ. для коллектива учащихся. Вестник Просв. № 4—6 1925 г., стр. 157.
- А. М. Прохорова. — Год работы в 5 отд. Пересветовской школы Вестник Просв. 1924 г.
- Н. А. Соловьев. — „Программа обследования кустарных промыслов“. „Листок Краеведа“. Орг. Моск. Губпроса, № 2, май, 1925 г., стр. 5—12.
- И. А. Муравьев. — „Две экскурсии“. „Нар. Учит.“ № 3, 1924 г. стр. 44.
- Н. А. Соловьев. — „Летние краеведческие курсы“. „Листок Краеведа“ № 3, 1925 г. стр. 9—13.
- И. А. Муравьев. — „Проработка темы: Паяльно-игрушечный промысел наших кустарей в деревенской школе 1-ой ступени“. „Вестник Просв.“ 1924 г. № 7—8.
- И. А. Смирнов. — „К истории территории“. Из сборника „Дмитр. уезда Моск. губ.“ 1924 г. Дмитров.
- Рабочая книга для старших групп первой ступени, ч. I, вып. 2-ой, „Своими силами“. Ленгиз 1925 г. (6 статей):
- Н. Н. Гагарина. — „Музей краеведения“, стр. 147.
- Н. А. Соловьев. — „Гончарные промыслы в Дмитровском уезде“, стр. 150.
- М. С. Померанцев. — „Прошлое гор. Дмитрова“ стр. 157.
- Н. А. Соловьев. — „Как составить коллекцию кустарных промыслов для музея“ стр. 148.
- И. А. Смирнов. — „Крепостное право в Дмитровском уезде“ стр. 165.
- А. Д. Шаховская. — „Как мы изучали поверхность нашего уезда“ (Дмитр. уезд, Моск. губ.) стр. 61.
- Н. А. Соловьев. — „По Клинско-Дмитровской гряде“ (четыре маршрута). В экскурсионном сборнике „По Московскому краю“. Госиздат 1929 г. стр. 3—42 вкл.
- И. А. Смирнов. — „К юбилею смерти А. С. Грибоедова“. Журнал „Моск. Краевед“ № 5, 1929 г.
- Н. А. Соловьев. — „Методы паспортизации в политпросвет работе“. Издание Кабинета Краеведения. М. 1929 г. Краеведно-Методическая библиотека. Вып. 3 82 стр. (В приложении описательные очерки волостей составлены коллективно сотрудниками Музея Дмитровского Края).
- Теоретическая подготовка краеведа и формы исследовательской работы в краеведении. Сборник „Книга Краеведа“ Н. А. Гейнике, Н. С. Елагин, Н. П. Зимин, К. А. Соловьев. „Работник Просвещения“ 1928 г. стр. 24—28.
- „Изучение экономики“. Там же стр. 105—116.
- „Изучение деревни“. Сб. „Организация и методы краеведной работы в транспортных школах“. Методическое письмо Цутранпроса. М., 1927 г., Транспечать—НКПС стр. 34—44.
- Каталог выставки — Каталог первой выставки местных художников, организованный Музеем Дмитровского Края с 15 марта по 22 апреля 1930 г. Изд. Музея Дмитр. Края. 1930 г.

По вопросам Музейного строительства:

-
- Н. А. Соловьев. — „Дмитровский Музей как центр краеведческой работы уезда“. „Нар. Уч.“ стр. 55, № 3, 1924 г.
- ” ” — „Музеи и архивы“. Сборник статей „Дмитровский уезд, Моск. г.“. Дмитров, 1924 г.
- ” ” — „Краеведение в Дмитровском уезде за 10 лет“. „Московский Краевед“. Вып. 3, М. 1928 г. стр. 54.
- ” ” — „Опыт построения Краеведного Музея“ (Музей Дмитровского края). Отдельный оттиск 14 стр, Москва 1929 г. (Оттиск из журнала „Моск. Краевед“—Музейный) (Ест.-Ист. Отд. описан А. Г. Немковой).
- ” ” — „Принципы организации промыслового подотдела в краеведных музеях“. Изд. Центр. Бюро Краеведения 1927 г. 15 стр. (Оттиск из журн. „Краеведение“ 1927 г., № 2.
- ” ” — „Музей местного края“. Принципы организации уездного краеведного музея. „Книга Краеведа“. М. 1928 г. „Раб. Просв.“ стр. 34—56. Вышла и отдельным оттиском.
- ” ” — „Краеведный музей и школа“ журнал „Краеведение“ 1929 г. № 7, стр. 396—408.
- ” ” — „Организация краеведческого музея“. (Школьный краеведческий музей. Районный музей. Музей—вагон) стр. 10—25. Из сб. „Организация и методы краеведной работы в транспортных школах“. Транспечать НКПС. М. 1927 г.
-

КАРТА Дмитровского Края и смежных с ним районов.

Масштабъ въ инч. дѣймѣ 10 верстъ

Издание Музея Дмитровского Края.
Дмитров, Московск. губ.
1919 г.

